

18 апреля 1979 г.

Актеры и роли

ТОТ ДАР БЕСЦЕННЫЙ...

На спектакле купаловцев по пьесе В. Розова «Традиционный сбор» зрители всегда встречали аплодисментами реплику: «Народных артистов — много, хороших — мало...». В спектакле этом Павел Васильевич Кормунин, ныне заслуженный артист республики, играл Максима Петрова и играл так, что было очевидным: вот — хороший актер...

Кормунин показал нам человека с искаленной судьбой, который сам себе за прожитую жизнь ставит «двойку». Незаметно прошли его послевоенные годы: ни событий, ни свершений, ни достижений... Но живет в этом небритом, неказистом рабочем бензозаправочной станции чувство собственного достоинства. Не станет он лебезить и прислуживаться из-за лишней трешки, с сочувствием и пониманием говорит о жене, оставившей его, когда запил он по-черному... И становится нам жаль, что не встретился на его жизненном пути человек, который поддержал бы. И понятно, почему полюбила Максима добрая и чуткая Лидочка Белоза.

Роль Максима Петрова была второй работой Кормунина на сцене академического театра имени Янки Купалы, а дебютировал он в комедии Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе «Я, бабушка, Илико и Илларион». Те, кто видел этот спектакль, до сих пор вспоминают прекрасный квартет главных исполнителей: народного артиста СССР В. Дedyшко — Иллариона, заслуженного артиста БССР А. Милованова — Зурикелу, народного артистку БССР С. Станюту — бабушку и кормунинского Илико. Ах, как любил он посмеяться над ближним, каким въедливым, каким ехидным был. Хлебом его не корми, вином его не пои, только дай поиздеваться над старым другом его — Илларионом. Но за этой внешней ехидностью таилось большое и доброе сердце. Когда понадобилось, в лихую военную годину, он отдает для солдат на фронте единственную свою бурку, самое большое богатство в доме, как о родном заботится о Зурико, не оставляет в беде бабушку Ольгу... Доброта его скромная, без громких фраз.

Кормунин сделал своего героя таким живым, таким трогательным, расцвел его точными деталями так ювелирно, что театральная критика назва-

ла его Илико «маленьким сценическим шедевром».

Уже с первой роли стало ясно, что это зрелый и самобытный мастер. А пришел Кормунин в белорусский театр благодаря кино. В 1963 году он приехал на «Беларусьфильм» из Казани сниматься в фильме «Рогатый бастион» по макаенковской «Лявонихе на орбите». Большой друг театра Андрей Макаенок, восхищенный тем, что делал Кормунин в роли Лявона, посоветовал купаловцам не упускать такого актера... Так Павел Васильевич был приглашен на белорусскую сцену. Он в самом деле истинный купаловец по природе дарования своего, если понимать под этим определенную манеру игры, мягкую, сочную, заразительную, ювелирно-изобретательную, замешанную на твердой реалистической основе... Легко и радостно вошел Кормунин в ансамбль театра. Каждый новый спектакль приносил ему роли и почти всегда — удачные.

В «Людях на болоте» сыграл он Чернушку — тихого, немногословного отца Ганны. Человек добрый и справедливый, он верит дочери, не корит ее, но не привыкший спорить, бороться, не умеет постоять ни за себя, ни за Ганну и не перечит энергичной и корыстной жене...

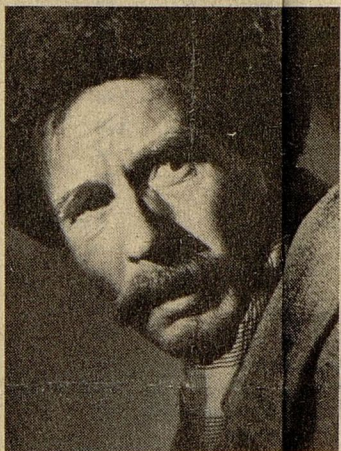
А вскоре после этого в репертуаре актера появился еще один белорус — смешной и добродушный дед Терешка, всем сердцем принявший революцию, из спектакля «Рудобельская республика». Кормунин внимательно изучал и точно воссоздавал самобытность белорусского характера, его незлобивость, долготерпение и негибкость. Он исследовал этот характер во всем многообразии комедийных ситуаций и на высотах трагических изломов судеб.

На долю Павла Кормунина выпала нелегкая задача — играть хрестоматийно известные роли после таких мастеров сцены, как народные артисты СССР Г. Глебов и В. Дedyшко. Он сыграл и говорливую, бесконечно преданного Родине Кроплю в «Констанине Заслонове» и раздувающегося от шляхетского гонора Степана Криницкого в «Павлинке». Сыграл по-своему, никого не повторяя и не копируя, ярко, убедительно, интересно.

Очень своеобразным был и его Лука в горьковском спек-

такле «На дне». Не злобредный утешитель, а скорее просто очень добрый и внимательный к людям человек. Образ противоречивый, долгое время вызывавший споры.

Павел Васильевич Кормунин умеет в небольшом эпизоде рассказать все о человеке и его судьбе. Вспомните директора школы из фильма «Я ро-

дом из детства». С бородкой, в пенсне, с высокими залысынами, тихий этот человек мог одной-двумя негромкими фразами уgomонить разбушевавшуюся школьную ватагу.

Или блудный сын Порфирий из спектакля «В метель» Леонида Леонова, тяжелой ценой оплативший свое право вернуться на Родину. На коленях стоит он перед родными, истощавший на чужбинах, покаточный, и на вопрос Лизаветы, где так поранило его, зажав трубку в горле, хрипит одно только слово: «Гвадалахара...». До сих пор слышу я этот хриплый шепот, который слышен был и на последних рядах балкона...

Думается, каждый, кто видел спектакль «Последний шанс», помнит последнюю фразу замордованного, но не сломленного Матея — Кормунина: «Господи, дай силы умереть человеком», видит его — с заострившимся носом и тонкими прядями волос, упавшими на лоб, в холщевой рубашке, будто распятого на стене сарая. И образ-обобщение, величественный, как памятник, и живого страдающего человека вылепил актер.

Кормунин — актер поразительной искренности, ошеломляющей органичности; все, что он делает на сцене, — естественно, как дыхание, под его ногами самые вычурные подмостки воспринимаются как высокбленные половицы деревенского пола или нехитрое, заросшее муравой подворье. Его естественность — заразительна, ее волны почти физически ощутимы, его внимательные с прищуром глаза не лгут.

Потому, очевидно, так часто приглашают Кормунина в кино, где на крупном плане не спрячешь фальшь. В отличие от многих наших актеров он снимается не от случая к случаю, а постоянно.

«Большой грамплин», «Теща», «В лазоревой степи», «Меченый атом», «Пламя», «Рудобельская республика», «Нечаянная любовь», «Десятая доля пути», — картины, созданные на «Мосфильме», «Беларусьфильме», «Ленфильме»... Можно назвать более пятидесяти фильмов с участием Павла Кормунина. Живут в них белорус Карпушон, обозленный, плачущий от жалости к своим голодным детям, способный на мародерство, со временем вырастающий в сознательного бойца, красноармейца («Красная площадь»), и станичник Прохор, чьих детей, как многих на Дону, развела в противоположные лагеря революция («В лазоревой степи»).

Но лучшая пока, на мой взгляд, работа Павла Кормунина в кинематографе — старик-балалаечник в фильме «Одни» по В. Шукшину. Актеру удалось ярко показать непростую красоту так называемого «простого человека», душевность его и сложность, и доброту неизбывную, и юмор, и многое другое, из чего складывается живой человеческий характер.

Есть, очевидно, определенная закономерность, что не одну и не две роли сыграл Кормунин на материале Шукшина. Просто исходная позиция у него та же — любовь к человеку. И высший критерий один — правда жизни.

Две последних встречи с Шукшиным на сцене — в спектаклях «Характеры» и «Ваня, как ты тут?» В обоих Кормунин играет людей, способных откликнуться сердцем на чужую нужду, чужую боль. В «Характерах» он — мающийся с перепоя старик Наум Евстигнеевич, который после душевного разговора с квартирантом Юрка решил от щедрот своих поддерживать голодающего школяра салом, чтобы сумел Юрка одолеть науку, колы люди для нее и не тем еще жертвовали... Во втором спектакле ситуация сложнее. Из дальнего далека летит по звонку брата Егор Максимов, чтобы помочь заболевшей племяннице. И не врач он, не профессор, просто умеет добрую сказку рассказывать, умеет посидеть рядом, помолчать, да так, что человеку становится легче. Вот эту тему — ответной доброты, негромкой, без фраз и позы — умеет нести Кормунин, как никто другой. Близка она ему — эта тема...

Актер тонко чувствует и знает заботы, проблемы, сложности простых людей и рассказывает о них так искренне и с таким знанием дела, что проблемы становятся не такими уж неразрешимыми, а жизнь понятнее и добрее.

А это и позиция, и дар бесценный...

Мая ГОРЕЦКАЯ.

НА СНИМКАХ: П. Кормунин в спектакле «Рудобельская республика» и фильмах «Одни» и «Нечаянная любовь».

